

Автор грамматики скромно определяет свою цель как предоставление информации о латгальском языке широкому кругу лингвистов, которым недоступны труды по латгалистике, написанные по-латышски (с. 3)¹. На самом деле имеющиеся грамматические описания латгальского языка (в основном практические, в частности школьные грамматики) давно не удовлетворяют потребностям ученых и самих носителей языка. Рецензируемая грамматика освещает многие вопросы, до сих пор не описанные в национальной лингвистической традиции, и является, таким образом, не только работой, полезной для специалистов по общему языкознанию, но и существенным и актуальным вкладом в собственно латгальское языкознание.

Введение начинается утверждением, что «латгальский является региональным языком», относящимся к восточной группе балтийских языков наряду с латышским и литовским (с. 4). Такое мнение не является общепризнанным, поэтому снабжается необходимыми комментариями. Официальная точка зрения, зафиксированная в Законе о государственном языке² (вступил в силу 1 сентября 2000 г.), считает латгальский литературный язык «исторической разновидностью латышского языка», хотя интерпретация этой формулировки и следствия из нее являются предметом существенных разногласий³. Статус латгальского языка по-разному оценивался в разные периоды истории. Представление о его самостоятельности начало выкристаллизовываться в начале XX века в связи с национальным пробуждением латгальцев и в первые годы существования Латвийской Республики, хотя тогда принято было говорить о латгальском и балтийском (собственно латышском) наречиях латышского языка. Воссоединение в 1917 г. Латгалии с остальными регионами Латвии, от которых она была отделена политическими и административными границами в течение трех столетий, обострило вопрос о различии двух «языков латышей»

¹ N. Nau является также автором латышской грамматики, вышедшей в этой же серии: *N. Nau. Latvian.* München; Newcastle: LINCOM Europa, 1998. 66 p. Languages of the World / Materials 217. ISBN 3-89586-228-2.

² N. Nau не совсем точно переводит его название на английский язык как «Latvian language law» (с. 4).

³ См. почти полностью этому вопросу посвященный выпуск еженедельника «Jurista Vārds» (25 октября 2011, № 43 (690)).

(с. 7). В Советской России официальная точка зрения была сформулирована в связи с Всесоюзной переписью населения 1926 г.: латгальцы признаны отдельной национальностью и латгальский – самостоятельным языком (по официальным данным в России в 1926 г. зарегистрировано 9 676 латгальцев⁴, в 2002 г. – 1 622⁵). Следы этого понимания сохранились в вузовских учебниках по введению в языкознание середины XX в. (А.А. Реформатский, Б.Н. Головин и др.), хотя преобладающей точкой зрения в советской балтистике после войны стала интерпретация латгальского как диалекта латышского языка (точнее, как латгальских говоров верхнелатышского диалекта). Трактовка латгальского языка как самостоятельного была характерна для латгальских ученых в эмиграции (М. Букшс, Л. Латковскис и др.), в Латвии этот взгляд защищал крупнейший латгальский лингвист А. Брейдак [Брейдак 2006]. В последние годы вопрос о самостоятельности латгальского языка вновь стал обсуждаться на профессиональном уровне. Официально статуса регионального языка латгальский пока не имеет, но предположение автора о том, что такой статус в недалеком будущем будет им получен благодаря активным усилиям деятелей латгальской культуры, представляется обоснованным. Справедливо отмечается также, что большинство латгальцев считают себя этническими латышами с отдельным языком (с. 4).

Учитывая опасность интерференции с доминирующим латышским языком, в отборе лингвистического материала грамматика ориентируется на возможно более аутентичные тексты – современную публицистику, автобиографическую и интеллектуальную прозу, интернет-дневники, с одной стороны, и классические сказки, с другой⁶. (В связи с широкими временными рамками анализируемых текстов в грамматике уделено внимание различным графическим системам начиная с XIX в.)

Очень содержательны сведения об истории формирования латгальского языка в связи с историей Латгалии (от языка древнего балтского племени латгалов до современности), письменных памятниках и лингвистических

⁴ http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=2

⁵ http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_01.xls

⁶ Надо сказать, что тексты сами по себе являются весьма интересными и дают представление не только о лингвистических фактах, но и о культурных актуалиях латгальцев.

	short vowels			long vowels		
	front	central	back	front	central	back
high	i	/ ð	u	i:		u:
mid	ɛ		ɔ	iɛ		uɔ
low	æ	a		æ:	a:	

описаниях. Следует отметить лишь, что Н. Нау ошибочно считает первой сохранившейся латгальской грамматикой грамматику Т. Коссовского 1853 г. (с. 7), – древнейшие сохранившиеся латгальские грамматики относятся к 1817 г.: это «Grammatyka inflansko-lotewska», опубликованная в Вильнюсе Ю. Акелевичем⁷, и анонимная рукописная «Grammatica Linguae Lotavica»⁸.

Собственно лингвистическое описание начинается с сообщения типологически важных особенностей порядка слов, предложных конструкций, выражения синтаксических связей, системы грамматических категорий (при перечислении глагольных категорий выпущен императив), отмечено также характерное для латгальского языка стремление к «морфонологической гармонии» – сочетанию в пределах слова мягких согласных с «передними» гласными и твердых согласных с «задними» гласными (с. 9).

Описание языковой системы состоит из следующих разделов: звуковая система, морфонология, именная морфология, глагольная морфология, синтаксис и дискурс; в конце книги приводятся образцы латгальских текстов с морфонологическим глоссированием и библиография.

Фонологический раздел (с. 9–15), по признанию автора (чьим материалом были письменные тексты), построен в основном на работах А. Брейдака; отмечается недостаток специальных, в частности инструментальных, исследований латгальской фонетики (с. 9).

В описании системы гласных, представленной в виде таблицы (с. 9), следует обратить внимание на интерпретацию дифтонгов /iɛ/ и /uɔ/⁹ и на проблему среднего ряда (см. табл. 1).

Дифтонги /iɛ/ и /uɔ/ рассматриваются как монофонемы и ставятся в соответствие крат-

ким гласным среднего подъема /ɛ/ и /ɔ/ как их долгие корреляты (соответствующие долгие монофонги встречаются только в междометиях и звукоподражаниях). Это функциональное соответствие действительно подтверждается особенностями морфонологического чередования фонем (ср. *nest* /-æ-/ – *nešu* /-e-/ ‘нести – (я) нес’ и *ēst* /æ:-/ – *iežu* ‘есть – (я) ел’; *kuort* ‘вешать’ – *aizkors* ‘занавеска’) и не противоречит истории языка (данные дифтонги происходят из долгих монофтонгов). Введение в систему среднего ряда, напротив, вызывает сомнения: вряд ли оправдано внесение в таблицу фонем «среднерядного» аллофона [ɨ] (в графике – у) краткой фонемы /i/, на котором базируется дальнейшая структура таблицы, а именно отнесение гласного /a/ к среднему ряду и аналогичное расположение долгих гласных. Правда, причины такого решения понятны: оно позволяет сформулировать общую закономерность в распространенном чередовании – замене «переднего» гласного «задним», ср.: *sarkt* – *sorkstu* ‘краснеть – краснею’, *nest* /-æ-/ – *nasu* ‘нести – несу’, *sist* – *sytu* ‘бить – бью’. Чередование гласных, однако, не является независимым – оно подчинено упоминавшемуся стремлению к морфонологической гармонии: формы *sorkstu*, *nasu*, *sytu* содержат только твердые согласные, что определяет выбор соответствующего гласного (/o/, /a/) или аллофона ([ɨ]). В связи с этим возникает вопрос о противопоставлении двух фонем нижнего подъема: /a/ и /æ:/ (ср. редкие случаи типа *ass* [as:] ‘ось’ : *es* [æs] ‘я’) – довольно часто их дистрибуция зависит от мягкости / твердости предшествующего согласного. Возможно, ситуация аналогична наблюдаемой в литовском языке (к которому латгальский в целом фонологически более близок, чем к латышскому), где после мягких согласных /a/ чередуется с /æ:/ (а в некоторых говорах [a] и [æ] являются аллофонами одной фонемы). Для латгальского это имеет значение при описании системы склонения и тенденций ее развития (см. ниже). Если после мягких действительно возможно только /æ:/, то в таблицу, иллюстрирующую графическую передачу гласных, следует добавить графему <a>, обозначающую /æ/

⁷ Источником грамматик Ю. Акелевича и Т. Коссовского считается рукописная грамматика Рымкевича (1810 г.), исчезнувшая во время Второй мировой войны [Strods 1937].

⁸ Общий список латгальских грамматик см. в [Skrynda 2011].

⁹ В рецензии используется транскрипция, принятая в анализируемой грамматике.

после мягких согласных в таких словах, как *gaļa* /gaɫʲæ/ ‘мясо’.

Разница между /ɛ/ и /æ/ не передается в латгальской графике. Автор грамматики стремится показать ее, обозначая уость гласного точкой (*e*) или снабжая примеры транскрипцией, но делает это, к сожалению, избирательно: лишь там, где это «важно морфологически» (с. 10), хотя читателю, безусловно, была бы полезна такая информация во всех случаях.

Существенной чертой, отличающей латгальский от латышского, является наличие корреляции по твердости / мягкости. Современная графика латгальского языка, однако, набором графем не отличается от латышской (имеется лишь буква *u* для звука [ɥ], а также *õ* для соответствующей периферийной фонемы) и поэтому только частично передает информацию о мягкости согласных: позиционная мягкость (перед гласным переднего ряда) специально не обозначается¹⁰, в других же позициях возможно лишь обозначение мягких /lʲ/, /nʲ/, /kʲ/, /gʲ/ – используются латышские «среднеязычные» графемы *l*, *n*, *k*, *g*. Таким образом, мягкость часто остается необозначенной в конце слова (а также в сочетаниях согласных), ср. омографы, различающиеся мягкостью: *sīp* /-p/ ‘тянет’ – *sīp* /-pʲ/ ‘тянешь’, *īt* /-t/ ‘идет’ – *īt* /-tʲ/ ‘идти’ (с. 12). В рецензируемой грамматике такие мягкие согласные, как и произношение *e*, обозначаются избирательно (в тех случаях, где это важно для изложения, с. 11), однако встречаются ошибки, например, на с. 19 в 15-й строке сверху пропущен знак мягкости зубного щелевого в примерах сочетаний согласных (должно быть: /sʲnʲ, sʲlʲ, zʲnʲ, sʲlʲ, sʲmʲ/); на с. 23 в таблицах склонения не отмечена мягкость конечного *s* в омонимичных формах род. п. ед. ч. и им., вин. п. мн. ч. слова *egle* ‘ель’ – должно быть *eglʲ-i-sʲ*, на с. 24 обозначена мягкость окончания в *acʲ-(i)sʲ* ‘глаза’, но отсутствует рядом в *sirdʲ-(i)sʲ* ‘сердца’ (правильно на с. 23). Следовало бы указать мягкость и произношение *e* в личных местоимениях *es* [æʲsʲ] ‘я’ и *mes* [mʲæʲsʲ] ‘мы’ (с. 35) (ср. отсутствие мягкости конечного согласного в транскрипции на с. 10: [mʲæʲs]).

При описании щелевых сонорных (с. 13) обращается внимание на интересную гипотезу А. Брейдака (выдвинутую им, правда, лишь в отношении некоторых латгальских говоров) о противопоставлении по твердости / мягкости не только губных /v/ : /vʲ/ (в грамматике обозначаемых буквой *w* и почему-то названных лабиовелярными), но и среднеязычных /j/ : /jʲ/, в частности их «вокализованных» аллофонов,

¹⁰ Вряд ли правомерно утверждать, что она не отражается в орфографии (с. 26), ведь правила чтения однозначны.

выступающих в тавтосиллабических сочетаниях с гласными. Н. Нау справедливо указывает на необходимость дополнительного исследования данного вопроса, для понимания сути которого, однако, читателю явно не хватает примеров, показавших бы логику рассуждения А. Брейдака, ср.: *sīn* [-n] ‘связывает’ : *sīp* [-nʲ] ‘связываешь’, *stuoiv* [-u] ‘стоит’ : *stuoiv* [-uʲ] ‘стоишь’, *juoj* [-j] ‘едет верхом’ : *juoj* [-jʲ] ‘едешь верхом’ (формы 3-го лица имели в окончании гласный **a*, а формы 2-го – гласный **i*).

Неизученной для латгальского является также проблема мягкости в сочетаниях согласных (с. 14): в отличие от литовского, здесь возможны сочетания твердых согласных с мягкими и наоборот (*guļba* /-lʲb-/ ‘лебеда’, *mozmeita* /-zmʲi-/ ‘внучка’), но условия этого не описаны (как и частные вопросы произносительной нормы – см. [Andronovs, Leikuma 2009]).

Латгальская морфология (с. 15–21) ввиду богатства чередований представляет весьма трудную задачу для исследователя. Н. Нау последовательно рассматривает типы морфологических явлений, описывая морфологическую гармонию, чередование «задних» и «передних» гласных (*jārs* ‘ягненок’ – *jierēņš* ‘ягненок’, гласных среднего и нижнего подъема в переднем ряду (*nešu* /-ɛ-/ ‘(я) нес’ – *nese* /-æ-/ ‘(он) нес’)¹¹, разные проявления палатализации – собственно смягчение (*sīva* /-v-/ ‘жена’ – *sīveņa* /-vʲ-/ ‘женушка’) и отверждение (*zeme* /-mʲ-/ ‘земля’ – *zemu* /-m-/ ‘земель’), а также их комбинации с «альвеоляризацией» зубных (*sovaids* ‘странный’ – *sovaiži* /-ʒ-/ ‘странно’, *truss* /-sʲsʲ/ ‘кролик’ – *truša* /-ʃ-/ ‘кролика’, *dzīšme* /-sʲmʲi-/ ‘песня’ – *dzīšmu* /-ʃm-/ ‘песен’)¹² и «дентализацией» заднеязычных (*kūks* ‘дерево’ – *kūceņš* /-tʲsʲ-/ ‘деревец’). Морфологическая гармония играет важную роль во многих процессах формо- и словообразования (с. 16), противопоставляя твердые и мягкие типы склонения (*vecs* /-vʲetsʲsʲ/ ‘старый’ – *vecs* /vʲetsʲsʲ/ ‘старик’), варианты глагольных основ (*nas-tu* /pastu/ ‘нести (супин)’ – *nes-t* /nʲæʲsʲtʲ/ ‘нести (инфинитив)’), производящую основу и основу диминутивов (*gods* /gots/ ‘год’ – *gadenš* /gadʲænʲtʲ/ ‘годик’) и др. В конце раздела выделено три

¹¹ Не отмечено, что оно имеет место при образовании форм настоящего времени, хотя соответствующие примеры приведены уже на с. 10 (*ceļ* /-ɛ-/ ‘поднимает’: *ceļ* /-æ-/ ‘поднимаешь’).

¹² Описывается также альвеоляризация заднеязычных, однако охватывает она не только глухой *k* (*smolks* ‘мелкий’ – *smalči* ‘мелко’), но и звонкий *g* (*duorgs* ‘дорогой’ – *duordži* ‘дорого’), хотя в целом характерна лишь для восточных говоров (по сообщению Л. Лейкумы).

	Sg.			Pl.		
N.	-[æ]	da _a	mēl-e	-[isʲ]	da _is	mēl-is
G.	-[isʲ]	da _is	mēl-is	-[u]	da _u	mēl-u
D.	-[æi]	da _ai	mēl-ei		da _om	mēl-em
A.		da _u	mēl-i	-[isʲ]	da _is	mēl-is
L.	-[æ:]	da _ā	mēl-ē		da _uos	mēl-ēs

группы взаимосвязанных морфонологических чередований: например (1-я группа), при образовании некоторых форм существительных определенных типов склонения в конце основы происходит отверждение губных и шумных зубных согласных, обычно сопровождающееся чередованием в корне «переднего» гласного с «задним» (зубные, однако, в большинстве случаев претерпевают также «альвеоляризацию», препятствующую чередованию гласных): *zivs* / zʲivʲsʲ/ = [zʲivʲsʲ] ‘рыба’ – *zyvu* / zʲivʲu/ ‘рыб’, *ass* [asʲsʲ] ‘ось’ – *osu* / osʲu/ ‘осей’, но без чередования гласных *nakts* / nakʲtsʲ/ ‘ночь’ – *nakšu* / nakʲʃu/ ‘ночей’, а также *zeme* / zʲæmʲæ/ ‘земля’ – *zemu* / zʲæmu/ ‘земель’. К сожалению, описание групп взаимосвязанных чередований не иллюстрируется примерами – читатель отсылается к примерам в разделах, посвященных именному и глагольному формообразованию. С другой стороны, надо отдать должное тому, что в этих разделах чередованиям уделяется большое внимание, сделаны ценные наблюдения или предположения относительно их закономерностей и ограничений (например, о распределении чередования гласных в уменьшительных прилагательных типа *mozs* ‘маленький’ – *mozeņš*, но *smolks* ‘мелкий’ – *smalceņš*, с. 31).

Описание **морфологии** (именная – с. 21–42, глагольная – с. 42–62) в рецензируемой грамматике отличается самостоятельным подходом ко многим вопросам как классификации формообразовательных типов, так и содержания грамматических категорий. Примечательна свобода описания материала латгальского языка от традиционных рамок латышской грамматики, что не мешает, однако, интересным сопоставлениям этих двух близких языков. Так, классификация склонений имен существительных основывается на противопоставлении твердого и мягкого типов, хорошо согласующемся с тенденциями развития системы. Это видно, в частности, в описании так называемых «гибридных основ» – имеющих фонетический облик мягкого типа, но присоединяющих окончания твердого типа (с. 25, подробнее см. [Nau 2011]). Отмечается также смешение мягких *a*-основ и *e*-основ, исходящих на /i/

или /nʲ/, ввиду фонетического сближения (или совпадения?) окончаний многих форм в литературном языке, вызывающего аналогические процессы, ведущие к еще большей унификации парадигм в говорах¹³, ср. *daļa* ‘часть’ и *mēle* ‘язык’ (табл. 2).

В состав падежной парадигмы Н. Нау не включает инструменталис, отмечая, что отличную форму (благодаря слоговому акценту) он имеет лишь в некоторых говорах. На самом деле слоговой акцент (прерывистый), по-видимому, отличает не инструменталис, а припредложную форму существительного от аналогичной формы в самостоятельном употреблении [Zeps 1995: 169]. Вне падежной системы рассматривается и вокатив, которому (без дальнейших пояснений) приписывается «скорее словообразовательный, чем словоизменяющий характер» (с. 21), хотя несколько ниже он все же называется «формой» (с. 27).

В целом описание именных частей речи весьма полно, причем содержит сведения не только об образовании форм (и некоторых производных, таких как диминутивы и качественные наречия), но и об их употреблении (местоименные прилагательные, различные типы местоимений и др.). Напомним, что среди типологически интересных черт латгальского языка открытие логофорического употребления местоимения *šus* (с. 37–38) принадлежит именно Н. Нау (подробнее см. [Nau 2006]). Замечания и дополнения к этим разделам немногочисленны. Досадно недоразумение на с. 23: как пример основы на губной *p* приведена парадигма несуществующего слова ****uops**, ****uopa**, ****uopam...** ‘барсук’ (вместо *uopss*, *uopša*, *uopšam...*); в качестве необходимой иллюстрации мог бы служить, например, *kramps*, *krampa*, *krampam...* ‘(дверной) крючок’. В нескольких случаях в таблицах склонения слов и

¹³ Нарушается также распределение диминутивных суффиксов: мягкие *a*-основы начинают присоединять суффикс *-eit* вместо исконо соответствующего им суффикса *-eņ*, ср. *daļa* ‘часть’ – *daleņa* и *daleite*, *dzīsmē* ‘песня’ – *dzīsmēite* и *dzīsmēņa* (примеры Л. Лейкумы).

форм женского рода показаны не основные, а второстепенные (хотя и допускаемые нормой), более «латышские» окончания р. п. ед. ч. и им. и вин. п. мн. ч. -*as*, -*es* вместо собственно латгальских -*ys*, -*is* (с. 23, 44, 45). Отсутствие «расширителя» -*aj*- в дательном и местном падежах обоих чисел при местоименном склонении прилагательных с суффиксом -*ej*- вызвано, скорее всего, не какими-либо морфологическими причинами (как можно предположить из предлагаемой формулировки, с. 28), а гаплогонией. Предположение, что фонема /a/ не чередуется с /æ/ при образовании наречий от прилагательных (с. 32, сноска 6), поспешно, ср. приводимый самим автором (с. 19) пример *rats* 'редкий' – *reši* 'редко'. Иллюстрирующий предположение автора пример *garš* 'длинный' – *gari* 'длинно' неуместен, так как чередованию подвержено лишь *a*, восходящее к *e* (ср. лтш. *rets*, но *garš*), пример *zams* 'низкий' – *zami* 'низко' ошибочен: в литературном языке есть наречие *zamai*, а вместо ожидаемого варианта *zemi* употребляется восточнолатгальское *zemli* (сообщение Л. Лейкумы); форму *zami* (если это не опечатка) можно объяснить лишь интерференцией с латышским языком, подавившей морфонологическую гармонию. Несколько подозрительно утверждение, что порядковые числительные от 2 до 99 употребляются с местоименными и местоименными окончаниями «без всякой разницы в значении» (с. 34); возможно, более пристальное исследование позволит вскрыть здесь какие-либо закономерности.

В описании глагольного формообразования следует приветствовать попытку реформировать латышскую (и латгальскую) грамматическую традицию, называющую спряжениями то, что в международной терминологии обычно называется глагольными классами (с. 43). Автор грамматики использует термин «спряжение» при описании парадигм личных окончаний и термин «класс» для характеристики соотношения трех формообразующих основ глагола, различая три класса: с короткими (односложными – традиционное I спряжение), длинными (многосложными – традиционное II спряжение) и смешанными («разносложными» – традиционное III спряжение) основами¹⁴.

Противопоставление твердых и мягких основ сохраняет свое значение и при описании глагольных форм. Пристальное внимание автор уделяет и другим морфонологическим явлениям. К сожалению, большинство примеров приводится в традиционной графике без указания произношения буквы *e*, поэтому столь

¹⁴ В менее образной терминологии короткие основы называются первичными, а длинные – вторичными, ср. [Andronov 2000: 35].

широко распространенное в глаголе чередование /e/ и /æ/ часто остается не описанным. Надо признать, что последовательное изложение распределения этих фонем (видимо, как раз из-за несовершенства графической системы) невозможно найти в имеющихся грамматических описаниях латгальского языка и этот вопрос должен составить предмет отдельного исследования.

В целом описание глагольного формообразования дает хорошее представление о системе и строении форм, о грамматических категориях, о типологически важных особенностях. При этом из-за ограниченного общего объема грамматики оно слишком лаконично для того, чтобы служить практическим пособием для изучающего язык. Безусловно, это не являлось задачей автора и вообще вряд ли было бы возможно ввиду существенной неполноты имеющихся на данный момент сведений о латгальском языке. К сожалению, в конкретных примерах встречается немало мелких ошибок: с. 45 – в образце спряжения глагола *dareit* 'делать; работать' ошибочны формы *dorat* (→ *dorot*) и *juodor* (→ *juodora*); с. 48 – в образце спряжения глагола *byut* 'быть' следует исправить формы 3 лица *irajd* на *iraid*, а также форму с отрицанием *navajd* на *navaid* (правильно обе формы напечатаны на с. 81); с. 52 – правильной формой 2 л. мн. ч. глагола *byut* является не *esat*, а *asat* (как в таблице на с. 48); с. 52 – окончание 2 л. ед. ч. возвратных глаголов в условном наклонении должно быть *-timis* (напечатано *-timis*).

Крайне интересным и совершенно новым является раздел «Синтаксис и дискурс» (с. 63–107), который трудно с чем-либо сопоставить из-за неразвитости этой области в латгалистике (современные описания синтаксиса латышского языка также весьма фрагментарны). Именно здесь в наибольшей степени проявляется разносторонний характер анализируемого материала, позволяющего квалифицировать синтаксические особенности как характерные для старых или новых текстов, традиционных жанров или современных электронных средств общения, аутентичные или возникшие под влиянием латышского языка¹⁵ и пр.

¹⁵ Примером может служить ситуация с предложным управлением, разрушающимся в случае множественного числа существительного: обобщается форма дательного падежа после всех предлогов, как в латышском языке (с. 71). Винительный падеж объекта в предложении 220: *Najiutu tū blogu asam dzeivu* 'Не ощущая этот блог как живой' (с. 94) также употреблен, по-видимому, не без влияния латышского языка (где отсутствует родительный падеж отрицания).

Описание синтаксиса богато интересными наблюдениями, например о факторах, влияющих на употребление родительного падежа объекта (с. 77–79), об употреблении частиц (с. 101–104)¹⁶, о некоторых архаичных конструкциях, переключаящихся с литовским языком (с. 100 о контрафактивном настоящем и прошедшем времени в условном наклонении), о самостоятельном аппозитивном причастии, связанном с личной формой глагола посредством сочинительного союза *i* (конструкция типа *vьstāvь u рече*): *a lops-a, [da-skrij-dam-a pi jō] i soka* ‘а лиса [подбегая к нему] и говорит’ (с. 95–96)¹⁷.

Библиография (с. 116–119, 48 позиций) содержит весьма представительный список не только непосредственно цитируемых в книге работ, но и некоторых других важных трудов по латгальской грамматике для дальнейшего чтения. В качестве дополнения можно было бы рекомендовать сборник «Верхнелатышский диалект» (Рига, 1989); своего рода «Введение в латгалистику» Л. Лейкумы (*L. Leikuma. Gruomota školotuojim. Lielvārde*, 1993), расширенное переиздание которого крайне необходимо; латгальскую хрестоматию Я. Курсите и А. Стафецки (*J. Kursīte, A. Staņeckā. Latgale: valoda, literatūra, folklorā. Rēzekne*, 2003); «Латгальско-латышско-русский разговорник» А.В. Андронova и Л. Лейкумы (Рига, Ачинск, 2008) с транскрипцией латгальского текста¹⁸; вторую часть «Трудов по языкознанию» А. Рекены (*A. Reķēna. Rakstī valodniecībā. 2 daļa. Lierāja*, 2009), содержащую, в частности, общую библиографию этого замечательного специалиста по латгальскому языку. Полезно также было бы указание на сайт, посвященный латгалистике (<http://www.lu.lv/filol/latgalistica>), на котором среди других материалов представлена официальная версия

¹⁶ Автор описывает утвердительную часть *nī* как возникшую из сочетания *ni + i* (с. 10), но в качестве второго компонента более вероятной представляется частица *ja/jā* – ср. лтш. *nija* ‘да, конечно’ [ME: II-753; LLVV: 5–766].

¹⁷ Интересно, что В. Амбразас [Амбразас 1990: 109–113], рассматривая аналогичные конструкции в балтийских языках (на обширном фоне других индоевропейских языков), отмечает их нехарактерность для латышского языка, объясняя ее заменой в нем исконного сочинительного союза *ir* заимствованным из немецкого *un*; латгальский материал (где используется союз *i*) В. Амбразас не приводит.

¹⁸ Доступен в Интернете: <http://www.latgalec-ru.narod.ru/publikacii/SV.htm>.

правил латгальской орфографии, принятых в 2007 г.¹⁹

Недостаточная степень изученности многих вопросов латгальского языка нередко вынуждала автора ограничиваться лишь предварительными наблюдениями, однако и в таких случаях его заслугой является формулировка задач и определение подходов к их решению. Помимо уже отмеченных выше, к таким интересным темам, требующим дальнейших исследований (в тексте грамматики их отмечено около двух десятков), относятся, например, различия в функционировании вокатива между латгальским и латышским (с. 28), употребление местоименных форм прилагательных (с. 29, 65), функциональная дифференциация многочисленных неопределенных местоимений (с. 40), описание богатой системы форм эвиденциалиса (с. 55), многообразие значений пассивных конструкций (с. 57), структурные позиции определений (с. 63), в частности возможные следы интерференции с польским языком в этом отношении (с. 65), варианты конструкций с количественными числительными (с. 70) и мн. др.

Рецензируемая грамматика написана на высоком теоретическом уровне, совершенно непривычном для современной латгалистики, она, безусловно, послужит важным стимулом к углубленному изучению латгальского языка. Достоинства книги, к сожалению, несколько омрачают мелкие ошибки и опечатки в латгальских примерах, наиболее существенные из которых отмечены выше²⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амбразас 1990 – В. Амбразас. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс, 1990.
Брейдак 2006 – А.Б. Брейдак. Латгальский язык // Языки мира: Балтийские языки. М., 2006.

¹⁹ В грамматике указан адрес ненадежного ресурса (<http://termi.lv/lg/>), где латгальские тексты не соответствуют нормам литературного языка.

²⁰ Отметим еще следующие: [v¹et²s³] → [v¹et²s³s¹] (с. 10, правильно на с. 15); *juūs* → *jiūs* (с. 13); *poys* → *pa²ys* (с. 15, правильно на с. 41); [m²ɔz¹en²t¹] → [m²ɔz¹æn²t¹] (с. 15); *tecet* → *tecēt* (с. 46); *pisacelt* → *pisacelt* (с. 59); на с. 23 три раза пропущена долгота *ū* в формах слова *kūrms* ‘крот’; на с. 5 и 52 неверно написано название первой сохранившейся книги на латгальском языке (должно быть «Evangelia toto anno», 1753 г.); на с. 6 в названии латгальской радиостанции первое слово написано по-латышски: Latgales → Latgolys (с. 6).

- Andronov 2000 – *A. Andronov*. Some remarks on the system of Lithuanian and Latvian conjugation // *Linguistica baltica*. 2000. V. 8.
- Andronovs, Leikuma 2009 – *A. Andronovs, L. Leikuma*. Par latgaliešu rakstu jeb literārās valodas pareizrunas kopšanu // *Baltu filoloģija*. 2009. Sēj. XVIII (1/2).
- LLVV – Latviešu literārās valodas vārdnīca. Sēj. 1–8. Rīga, 1972–1996.
- ME – *K. Müllenbachs*. Latviešu valodas vārdnīca // Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. Sēj. I–IV. Rīga, 1923–1932.
- Nau 2006 – *N. Nau*. Out of Africa: Logophoric pronouns and reported discourse in Finnish and High Latvian dialects // *Acta linguistica lithuanica*. 2006. V. LV.
- Nau 2011 – *N. Nau*. Declension classes in Latvian and Latgalian: Morphemics vs. morphophonology // *Baltic linguistics*. 2011. V.2.
- Skrynda 2011 – *O. Skrynda*. Latvišu volūdys gramatika. Reiga, 2011.
- Strods 1937 – *P. Strods*. Bazneickungu J. Rymkiewiczza, J. Akilevicza un T. Kossowska latvišu volūdas (latgaļu dialekta) gramatika // *Zidūnis*. 1937. № 7.
- Zeps 1995 – *V.J. Zeps*. Latgalian instrumentals and ordinals // *Linguistica baltica*. 1995. V. 4.

A.B. Андронов

Сведения об авторе:

Алексей Викторович Андронов
СПбГУ
baltistica@gmail.com

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Издается под руководством

Отделения историко-филологических наук РАН

4

ИЮЛЬ – АВГУСТ

«НАУКА»

МОСКВА – 2012